

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ. ВОСПОМИНАНИЯ

Г.Г.КРИЧЕВСКИЙ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕКЦИЯ (май 1989 г.)

25 июня 1918 Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял положение о Социалистической академии общественных наук. Это название было изменено в апреле 1919 г., когда новый документ опустил слова “общественных наук” Коммунистическая академия возникла в 1924 г. и просуществовала по 1936 г., когда была упразднена.

Каковы были причины создания Социалистической академии?

Во-первых, в Москве не было крупного научного центра, да и к тому же дело было не только в том, что Академия наук (АН) осталась в Петрограде после переезда правительства в Москву в 1918 г., дело было еще и в том, что АН, только что переставшая быть Императорской, была совершенно неподходящим органом для того, чтобы консультировать Советское правительство. Нужен был новый центр. Кроме того, Академия социалистическая была не только научным, но и просветительным центром, предшественницей позднейших коммунистических университетов и Института Красной Профессуры. Что же касается названия “социалистическая академия”, то этим подчеркивался ее коалиционный характер, включавший не только членов РКП(б), но и других марксистов вне зависимости от их партийной принадлежности.

Библиотека возникла в конце 1918 г., первоначально она существовала на Покровском бульваре, дом 5 в здании упраздненной Практической академии коммерческих знаний, Коммерческого училища, и библиотека этой упраздненной академии была первой составной частью будущей библиотеки Социалистической академии общественных наук. Затем к ней присоединились Народный университет им. Шанявского и Библиотека московского земства. Надо иметь в виду, что для тех времен характерным было не только наличие большого количества библиотек, упраздненных учреждений и учебных заведений, но и большое количество частных библиотек, оставшихся без присмотра, и таких, которые можно и нужно было освоить.

Были национализированы библиотеки в помещичьих имениях. Короче говоря, свободной книги было сколько угодно. Был недостаток другой. Не было, кому организовать все это. Библиотека социалистической академии довольно быстро переехала с Покровского бульвара в Шереметьевский переулок, нынешнюю улицу Грановского, а с 1920 г. она утвердилась на улице Знаменке, д. 11, угол Знаменского переулка, впоследствии ул. Фрунзе и угол ул. Маркса - Энгельса.

В сдвоенном доме, соединенном проемом в 1934 г., к этому прибавилась пристройка из четырех ярусов предназначенная целиком под книгохранилище, ибо к этому времени фонды библиотеки возросли настолько, что не хватало места в тех двух домах, которые были первоначально заняты.

Что представляла собой Библиотека социалистической академии того времени? Можно сказать, что это была конфедерация, т.е. очень слабый союз отраслевых кабинетов, каждый из которых имел свой читальный зал, свой книжный фонд, свой каталог, по крайней мере, алфавитный. Книги были доступны читателям непосредственно в залах, выписывать их из книгохранилища не приходилось.

Первые заведующие библиотекой были людьми довольно случайными. Они оставили очень малый след на всем дальнейшем, их имена забыты, и можно сказать, заслуженно забыты. Новый период в истории Библиотеки социалистической академии

началась в 1923 г., с назначением нового директора. Им была Генриетта Карловна Дерман, занимавшая этот пост 11 лет, до середины 1934 г.

Если я только что говорил о ее предшественниках как о людях, не оставивших сколько-нибудь заметного следа, то по отношению к Генриетте Карловне это было бы непростительным утверждением. Наоборот, следы ее действий, ее воли, ее знаний и умений чувствуются и сейчас, через 50 с лишним лет после ее ухода из Библиотеки коммунистической академии. Это объясняется тем, что она была не случайным лицом в библиотечном мире. Находясь в политической эмиграции, она социал-демократка с большим стажем, поняла значение революции в России, что было довольно редким в эмиграции того времени. Она попала в Соединенные Штаты и там несколько лет прослужила в Библиотеке конгресса. Таким образом, когда она вернулась в начале 20-х годов в советскую Россию, не было человека более знакомого с современным состоянием библиотечного дела, чем Г.К.Дерман. Ей мы обязаны прежде всего тем, что вот эта самая конфедерация кабинетов превратилась в единый организм, построенный по принципам, которые лежат в основе всех крупных библиотек мира, в котором имеются структурные подразделения, со своими функциями, каталогами: общий алфавитный каталог, предметный каталог. Но первоначально это был словарный каталог по американскому образцу, т.е. соединение алфавитного авторского с предметным в одном алфавите.

В основу организации книжного фонда Библиотеки была положена схема Библиотеки конгресса США. Надо сказать, что это нечто чрезвычайно удивительное. На всем европейском материке второй такой библиотеки нет. В Англии довольно часто применяется схема Библиотеки конгресса для классификации книг, но в Европе материковой - нигде.

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с иностранными библиотекарями, показывая им фундаментальную библиотеку, и всякий раз сообщение о том, что у нас схема Библиотеки конгресса вызывало удивление и недоверие.

Коллективный автор в описании опять-таки был новшеством, введенным Дерман. Таким образом, куда бы мы ни посмотрели, всюду и везде имеются следы ее творческой личности, ее жизненного опыта, ее понимания библиотечного дела.

Вместе с тем, она сделала и другое, не менее важное. Она сумела сформировать высококвалифицированный, удивительно отвечающий задачам времени коллектив.

Не буду перечислять ее сотрудников, но назову только нескольких: Т.И.Райнов, который заведовал долгие годы отделом библиографической консультации, Л.В.Трофимов - в свое время ученый секретарь библиотеки, впоследствии заведующий отделами каталогизации и систематизации, Д.Д.Иванов, который прослужил в нашем учреждении больше 50 лет на самых разных постах - от зав. отделом отечественного комплектования до ученого секретаря и заместителя директора, и он же был на протяжении шести лет директором библиотеки.

В 1934 г. Г.К.Дерман покинула библиотеку, перейдя на должность директора Московского библиотечного института, созданного по ее же инициативе. Это тот же самый институт, который сейчас существует в Химках под названием Московского института культуры, ныне - Московский государственный университет культуры и искусства. Через три года после этого она была репрессирована - судьба, которая постигла очень многих латышских коммунистов в 1937-1938 г., а у нее было еще отягчающее обстоятельство - наличие племянника. Умение выбирать родственников тоже имело немалое значение в те страшные годы. Ее племянником был Н.Н.Ванаг, любимый ученик М.Н.Покровского, историка СССР, который был арестован в 1936 г. одним из первых.

У нас водворился В.В.Максаков, в качестве второго директора. Его директорство продолжалось недолго, но за это время произошло очень важное событие: реформирование Комакадемии. Влад Васильевич директорствовал у нас до середины 1937 года, но прекращение его директорства вовсе не было связано с арестами, репрессиями и т.д. В те времена довольно часто было так: позвонишь куда-нибудь, спросишь такого-то. На это следует бодро-лихой ответ: "Он у нас больше не работает". И все знали, что это такое. Владимир Васильевич Аксаков сам позвонил к нам в библиотеку и сказал: "Я у вас больше не работаю". На его место был назначен Т.М.Донцов, сотрудник аппарата президиума. Человек милый и симпатичный, но в библиотечном деле понимавший очень мало, да и к науке, как к таковой, имевший весьма отдаленное отношение. Его директорство продолжалось до конца 1940 г. В ночь под новый 1941 г. он внезапно умер.

Д.Д. Иванов, к тому времени имевший 21 год стажа, был назначен и.о. директора, потом он стал директором.

Что же произошло при Максакове в качестве организационного изменения? Коммунистическая академия была влита в АН СССР. АН СССР в 1934 г. переехала из Ленинграда в Москву. АН СССР уже не была твердыней стародавней науки. И это слияние было и оправданно и своевременно. Что же при этом было делать с библиотекой? АН СССР в те времена состояла из трех отделений: отделение физико-математических наук, отделение технических наук, отделение общественных наук. Самое простое было превратить ее в библиотеку отделения общественных наук, что и было сделано, ибо подчинять ее непосредственно президиуму вроде бы, как казалась, не было оснований. Но ничто не вечно в нашем мире. Проходит три с половиной года, и вводится новая структура АН, при которой единого отделения общественных наук не предусматривалось. Было создано несколько отделений - экономики, права, истории, философии. Самое простое было бы разделить между ними библиотеку. По счастью, такого рода человеконенавистническая мысль никому в голову не пришла. И решили, что библиотеку надо сохранить. Только дать ей подходящее название. Ну, раз нет отделения, значит просто библиотека общественных наук. Но еще тогда, когда она была включена в состав отделения, было решено дать ей в качестве первого слова названия обозначение "фундаментальная". Чтобы каждый чувствовал, что это не просто библиотека, а всем библиотекам — библиотека. Злые языки говорили, что слова "фундаментальная библиотека" до революции использовались преимущественно для обозначения гимназических библиотек, но на то они и злые языки. Во всяком случае, "Фундаментальная библиотека по общественным наукам", а с 1937 г. и до создания ИНИОНа "Фундаментальная библиотека общественных наук" прочно утвердилась в научном обиходе. И хотя некоторые злые языки пытались создать из нее слово "фундаменталка", тем не менее можно сказать, что наименование было в достаточной степени успешным.

Наступил 1941 год. Война. Эвакуация Академии наук в Поволжье и в Среднюю Азию. В известной мере в этой эвакуации приняла участие и Фундаментальная библиотека. Был создан пост ФБОН в городе Ташкенте, с каким-то книжным фондом, который как-то пытался обслуживать эвакуированный в Среднюю Азию учреждения Академии наук. В Москве большая часть фонда была снесена в подвалы для того, чтобы при воздушных бомбардировках и многочисленных пожарах она не исчезла с лица землей. Те немногие, кто оставался в те времена в библиотеке, тушили зажигалки на крыше, причем в этом принимал личное участие директор библиотеки Д.Д.Иванов. Так было в эти страшные годы. В 1943 г. академические учреждения начали возвращаться в Москву. Вернулся и Ташкентский филиал ФБОН. И началась подготовка к новому мирному периоду. Самым важным событием этого времени была выставка 1945 г. Повод к этой выставке был довольно странным, чтобы не сказать нелепым. Было получено указание праздновать юбилей Академии наук. Так как юбилей крупного не было, то было решено отпраздновать 220 лет Академии наук. И это 220-летие было пышно отпраздновано летом 1945 г. с большим количеством иностранных гостей, с устройством великолепной выставки. Это удалось организовать благодаря прекрасным фондам ФБОН. И это событие, во всяком случае, имело большое значение в истории нашей библиотеки.

В конце этого периода было другое важное событие - появление трудов библиотеки, правда, на первом томе значилось "Труды Библиотеки АН СССР", в последующие годы "Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР".

Дальнейшее развитие ФБОН получила в период директорства Виктора Ивановича Шункова, которое продолжалось в ноябре 1949 г. по ноябрь 1967 г. и закончилось его кончиной.

Директорство В.И.Шункова было самым продолжительным и, можно сказать, во многих отношениях весьма удачным. Он, будучи директором, защитил докторскую диссертацию, был избран членом-корреспондентом, короче говоря, только что не стал академиком. Но и руководимое им учреждение процветало. Это проявилось прежде всего в колоссальном росте библиотечной системы. Фундаментальная библиотека стала солнцем, а планетами этой системы оказались институтские библиотеки, число которых к середине 50-х годов дошло чуть ли не до 20. Из особенно крупных библиотек надо назвать Библиотеку института мировой литературы — ИМЛИ, которая вступила в 1951 г. под наше

покровительство, и Библиотеку института советского строительства и права, большая часть фонда которой являлась фактически нашим фондом. За годы директорства Шункова вышел также ряд крупных библиографических работ, оказавших большое влияние на развитие библиотеки и общественных наук.

Одним из крупнейших является “История СССР. Указатель советской литературы за 1917-1952”, насчитывающий коло 30 тыс. названий. Это колоссальная работа, которую выполнил библиографический сектор истории под руководством К.Р.Симона. Сейчас, через 30 лет, лучше, чем когда бы то ни было, видны недостатки работы, но что поделаешь. Некоторые недостатки не зависели от составителей. Скажем, то обстоятельство, что многое из того, что должно быть зарегистрировано, было вне свободного оборота. Достаточно привести только один пример. Можете себе представить, что здесь нет одной статьи Бориса Дмитриевича Грекова только потому, что она была напечатана в сборнике “Крепостная Россия”, сборник в те времена был изъят. Но есть и некоторые другие недостатки. Самый главный из них, и об этом нельзя умолчать, — это перегрузка первого тома археологическим материалом. Конечно, на это можно возразить, что “Советская археологическая литература”, 8-й том которой только что вышел, тогда не было и в помине, тем не менее это все-таки портит работу.

Другой крупный труд - “Славянское языкознание”. Первый том охватывает литературу с 1917 по 1955 г. Эта работа Надежды Петровны Дебец исключительно высокого качества. И недаром на ее похоронах было сказано: “Славянское языкознание” будет служить ей вечным памятником”.

Следует назвать указатель “Народное хозяйство в 1917-20-е гг.”, который все знают как первооснову тех выпусков, который стали выходить в последующие годы, и “Народное хозяйство 1921-1925 гг”. При этом 1917-1920 гг. охватывает весь период военного коммунизма, и эта работа одного составителя - Елены Васильевны Бажановой. Первоклассная работа, которая навсегда останется на полках наших библиотек. И наконец, чтобы закончить с библиографическими трудами этого времени, я назову “НРБ”. На ней стоит историческая библиография. Эти слова используются совсем в особом смысле. Не так, как понимают все, а так, как понимает составитель Д.Д.Иванов, т.е. это библиографическая работа, документирующая материал для написания истории периода 1917-1949, 1949-1952 гг. и т.д. Это сделано преимущественно на болгарском книжно-журнальном материале. Работы выполнены совместно с болгарскими библиографами, ее очень ценят в Болгарии, ее следует ценить и у нас. В эти годы имело место еще одно важное событие в истории библиотеки. Некоторые неумеренные блюстители правозерия неведомо с чего в начале 50-х годов ополчились на предметный каталог: он-де и не научный, он-де и буржуазный. Что же произошло в результате? Медицинская библиотека — наша соседка — не прислушалась к этому и у них второй по значению предметный каталог в Союзе у наших соседей. А в Библиотеке им.Ленина существовавший предметный каталог расформировали, чтобы не было ничего буржуазного и ненаучного. В исторической же библиотеке сделали совсем невероятную вещь: из предметного каталога сделали систематический. Только то, что директором нашей библиотеки был Виктор Иванович Шунков - человек просвещенный в лучшем смысле слова и человек с крепкими нервами - только этому следует приписать то, что наш предметный каталог остался нетронутым. Иначе сейчас ИНИОН не имел бы никакого каталога. Но прошло время. В Ленинской библиотеке начали восстанавливать предметный каталог. Не знаю, как в Исторической, а мы благополучно миновали всю эту историю и остались с нашим самым большим в Советском Союзе предметным каталогом, смею сказать, самым лучшим каталогом. Некоторые детали исторического прошлого сейчас стираются. Например, с 1975 г. мы уже не классифицируем книги по схеме Библиотеки конгресса, а расставляем их в форматно-инвентарном порядке, что, вообще говоря, оправданно: форматно-инвентарный порядок экономит место на полках, а при отсутствии свободного доступа читателя к книгам систематика - это излишняя роскошь. Была принята попытка в свое время создать советскую схему классификации по общественным наукам по организационным принципам Библиотеки конгресса, т.е. та же самая система аннотации, смешанная буквой и цифрой, но с совсем другой картой знания. Т.е. был переименован весь фонд экономики. Но на этом дело и закончилось, и, по правде говоря, жалеть об этом сильно не приходится. В 60-е годы старое здание с пристройкой 1934 г. было до конца исчерпано. Мы были

вынуждены неоднократно производить снятие с полок менее используемой литературы и отправку литературы на складское хранение в Узкое. В конце концов было вынесено решение о строительстве для библиотеки нового здания. Это было еще при Шункове.

В 1963 г. в Московском Совете была выставка проектов застройки Юго-Западного района Москвы. Эту выставку посмотрел Первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР - Никита Сергеевич Хрущев. По подготовленному плану ФБОН должна была переехать в здание на Октябрьской площади. Тогдашний председатель Моссовета Промыслов, найдя удобную минуту, обратился к Никите Сергеевичу следующим образом: “Никита Сергеевич, Вам не кажется, что библиотека здесь не на месте?” За минуту до этого председатель Совета Министров не имел по этому поводу никакого суждения. Но не в его обычае было говорить “не знаю” или “подумаю”. Поэтому он ответил: “Конечно, нет”. Через 5 минут мы потеряли участок под строительство на Октябрьской площади. Это был шестой по счету участок, и его потеря означала, что надо начинать проектирование здания с начала. Парторганизация библиотеки возмутилась, и делегация ФБОН была направлена в Комитет партийного контроля. На наших депутатов посмотрели как на сумасшедших: “Вы понимаете, на кого вы жалуетесь?” Получалось, что на первое лицо в стране. Я не знаю имени того представителя ФБОН, у кого хватило смелости сказать: “Понимаем”. Это произвело такое впечатление, что для строительства нового здания библиотеки был сразу отведен большой участок на Профсоюзной улице и было сказано: “С этого места вас уж никто не стонит”. Пришлось вбить 1200 свай, прежде чем было выстроено ныне существующее здание, ибо это было дно осушенного пруда.

Виктору Ивановичу Шункову не было суждено дожить до его окончания, ибо строилось оно по принципу “кому руку - кому ногу”. Как только у строительной организации возникал прорыв в другом месте, снимали всех рабочих отсюда, и стройка надолго замирала. Уже в период организации ИНИОНа Владимиру Алексеевичу Виноградову пришлось немало потрудиться, чтобы библиотека смогла сюда переехать в 1974 г. При этой ситуации возник вопрос о том, что будет размещено в этом здании. Это здание строилось для Московской библиотеки. Фундаментальная библиотека, хотя и была полезна Академии наук и во многих отношениях составляла славу Академии наук, тем не менее была все-таки на положении даже не приемной дочери, а вроде, как падчерицы. Речь шла о Московской библиотеке АН, универсальной библиотеке, созданной путем слияния ФБОН с его сетью и сетью специальных естественно-научных библиотек АН, сектором сети специальных библиотек АН, а ныне составляющих Библиотеку по естественным наукам, последняя находится в нашем бывшем здании на ул. Знаменка 11. Другими словами, существовала альтернатива: или раствориться в универсальной библиотеке, т.е. потерять лицо, или искать другие пути. Другой путь заключался в создании Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН).

Сейчас, через 20 с лишним лет, можно сказать, что это в какой-то степени была альтернатива весьма обоюдоострая, ибо в составе ИНИОНа библиотека тоже претерпела трансформацию весьма изрядную. Ну, подумайте, если бы ИНИОН был создан вне библиотеки вот так, как существует, сам по себе ВИНТИ, все бы средства на новую литературу ушли бы, а Фундаментальная библиотека влачила бы жалкое существование и очень быстро перешла бы на второстепенные или даже третьестепенные роли.

Очерк истории библиотеки был бы неполон (причем, имейте в виду, что ИНИОНский период я не рассматривал, это история текущая, итоги подводить рано), если бы я не коснулся вопроса, что создано за эти 50 лет.

Мы говорили о том, что был великолепный коллектив. Но коллектив был - и ушел. Сейчас практически нет никого, кто помнит эти времена. Даже Игорь Яковлевич Госин пришел тогда, когда Фундаментальная библиотека была в полном расцвете, а Библиотека коммунистической академии для него “история”. Так вот, мой очерк был бы неполным, если бы я не коснулся того, что осталось от Библиотеки коммунистической академии, она же Фундаментальная.

Библиотека - это прежде всего книжный фонд. Ни каталоги, ни картотеки, ни информационные издания - это все-таки не самое главное и не самое стабильное в библиотеке. Что же у нас есть? Чем мы богаты и чем мы совсем не богаты? Начну с того, чего у нас нет. У нас нет клинописных таблиц ассирийско-вавилонских, у нас нет египетских папирусов, средневековых рукописей инкунабулов и альдинов, палеотипов, эльзевиров. Казалось бы - ужасающий перечень. Что же у нас, одна современная книга? Нет. Далеко не

так. У нас есть первые издания многих памятников важных европейских культур. Я лишен возможности продемонстрировать самую старую из обнаруженных книг. Это работа Джона Мильтона 1651 года (Milton John/ Joannis Milton Angli pro Populo anglicano defensio/ Contro Claudi anonymi alias Salmasii... Londini 1651) - "Защита английского народа против салмазия"⁹⁰. Я хотел показать ее моим слушателям, но, к сожалению, книга находится сейчас в реставрации. Так что вы поверьте мне на слово. Но это только номер 1-й. 1709 г. помечена другая книга, имеющаяся у нас тоже в 1-м издании "La politique tiree des propres paroles de scrite'e" Жан Бенина Боссюета⁹¹. Его лекции по политической философии, читанные им наследнику аранцузского престола, сыну Людовика XIV, и изданные- в 1709 г., уже после смерти автора, Иммануэль Кант "Kritique des..." 1-ое издание Purns, 1787⁹², Эдмунд Бёрк "Размышления о Французской революции"⁹³, Иоганн Готтлиб Фихте "Reden atltidentshenndzion"⁹⁴, знаменитые его лекции, читанные в 1808 г. в Берлине в момент величайшего национального уничтожения Германии. Жозеа Деместр "Петербургские вечера" 1821 год, "Le soire"⁹⁵.

Я глубоко убежден, что мои разыскания в этой области вскрыли только часть наших богатств такого рода. Их, конечно, значительно больше. Но редкости, у нас имеющиеся, определяются не только книгами XVII, XVIII и начала XIX в. У нас есть редкость XX в., причем редкость величайшая. Это книга Арнольда Оскара Майера "Bismarck. Der Mensch der Staatsmann"⁹⁶, Leipzig, издания 1944 г. Редкость колоссальная. Об этом свидетельствует один из томов "Nation Union Cat"⁹⁷. В этом каталоге, где зарегистрированы фонды тысячи американских библиотек, против этой книги стоит пометка только одной библиотеки. И не Библиотеки конгресса, не Нью-Йоркской публичной, а Библиотеки университета Калифорнии в Сан-Диего. Больше того, в "Gesamtverzeichnis Deutsche Schrifttums 1911-1956"⁹⁸, где перечислено все, что вышло из-под печатного станка в немецкоязычных странах по данным "Deutsches Bucher" ее нет. В Лейпциге этой книги нет, потому что она, по-видимому, вышла в конце 1944 г., когда было не до соблюдения какого-либо закона об обязательном экземпляре. Эту книгу я купил в ноябре 1945 г. в Венском книжном магазине, совершенно не подозревая, что приобретаю уникальную редкость. Но это все единичные случаи.

А чем силен наш иностранный фонд? Тут я должен назвать три основных сферы. Не потому, что только этим силен наш фонд, доставшийся нам от ФБОН, но потому, что, во-первых, объять его невозможно, а во-вторых потому, что это действительно одна из ряда вон выходящих по ценности коллекций.

Первая такая коллекция - это парламентские отчеты. В этом здании имеются парламентские отчеты Великобритании с 1801 г. Замечательно издание Hansard a⁹⁹. Должен сказать, что два стеллажа, которые заняты ранней частью коллекции, - это самая красивая часть нашего книгохранилища. В великолепных переплетах, на которых кроме английского названия стоят русские буквы внизу (БГ - Библиотеки Государственной Думы). После ликвидации Думы книги попали в государственную Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а т.к. Публичная библиотека имеет свой комплект, то они оказались дублетом. Из дублетного фонда Публичной библиотеки книги последовали к нам. Но не только это. Имеются французские парламентские отчеты с 1789 г.¹⁰⁰ с момента созыва Генеральных штатов. Тех самых, что заседали 200 лет тому назад

⁹⁰ Milton John. Angli pro Populo anglicano defensio Contra Claudi anonymi alias Salmasii defensionem regiam. London, 1651. – 330 p.

⁹¹ Bossuet J.B. Politique tiree des propres paroles de l'écriture sainte. – Paris, 1709.

⁹² Kant Im. Kritik der reinen Vernunft. - Riga, 1787.

⁹³ Burke Edmund Reflection on the Revolution in France. - London, 1790.

⁹⁴ Fichte Johann Gottlieb Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808.

⁹⁵ Maistre Joseph de Les soirees de Saint-Petersbourg... Paris, 1821. T. 1, 2.

⁹⁶ Meyer Arnold O. bismarck. Der mensch und der Slaatamann. Leipzig, 1944.

⁹⁷ National Union Catalogue. Pre – 1956. Lnd., 1975. Vol. 380, p. 438.

⁹⁸ Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV) 1911-1965. Munchen, 1976.

⁹⁹ Gr. Br. Parliament Hansard's parliamentary debates. Lnd, 1804.

¹⁰⁰ France. Assemblée Nationale, 1789. Journal desdebats et decret p., 1789.

так же как и отчеты рейхстага с 1867 по 1936 г.¹⁰¹ Материалы конгресса США представлены с конца XVIII века до настоящего времени (1989 г.).

Но не только они одни. Следует назвать парламентские отчеты ряда других стран - Болгарии, Румынии, Швеции, Финляндии и т.д. В этом отношении наша библиотека осуществляет то, для чего в других странах существуют специальные парламентские библиотеки, типа Библиотеки конгресса и аналогичных в других странах.

Вторая сфера, в которой мы чрезвычайно сильны, - это иностранная статистика всякого рода - экономическая, демографическая и т.д. В этом отношении у нас в Москве только один конкурент - Библиотека Государственного комитета по статистике, бывшее ЦСУ. Я назову два примера, чтобы проиллюстрировать наши богатства. Все знают американские цензы, те десятилетние переписи, которые производятся с 1790 г. У нас они имеются полностью, а это многотомные издания с 8 ценза 1860 г.¹⁰²

Другим примером нашего богатства статистическими материалами может служить "Statistik des Deutschen Reichs"¹⁰³ - серия в 571 том. По многотомности это издание уступает только тому изданию, которое находится в кабинете справочных и библиографических изданий и насчитывает 754 тыс. томов (показывает Libr. Congr.)¹⁰⁴.

Третья сфера - дипломатическая переписка¹⁰⁵ "Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871-1914"¹⁰⁶, "Documents diplomatiques Français"¹⁰⁷, "British documents of the origins of the War" и т.д. Все это собрано с совершенно исключительной полнотой и неоднократно использовалось нашими исследователями.

Перехожу от книг к периодике. Вот в моих руках первый журнал, когда-либо вышедший в свет ("Journal des savants" от 5 января 1665 г.). Откуда у нас эта диковинка? Она из Алупкинской библиотеки Воронцовых, которая досталась нам в начале 1950-х годов. Но и помимо этого наши журнальные иностранные фонды превосходны. Скажем, у нас имеется такой журнал, как "Revue des deux mondes" с 1831 г. Комплект за 150 лет. У нас хранятся все основные исторические журналы: "Historische Zeitschrift" с 1859 г., "Revue historique" с 1876 г., "English Historical Review" с 1886 г., "American Historical Review" с 1896 г. и т.д.

Что же касается газетного фонда, то у нас нет такого шедевра, каким располагает библиотека Института марксизма-ленинизма, которая ухитрилась приобрести комплект газеты "Times" за 150 лет (1785-1935) в огромных переплетах. У нас ничего подобного нет.

У нас газеты в основной за тот период, в который мы сами существуем. Из старых иностранных газет только две заслуживают специального упоминания. У нас имеется полный комплект "Vorwarts" за 1891-1933 гг. и полный комплект "L'Humanite". Причем "L'Humanite" здесь есть одна любопытная подробность. В годы немецкой оккупации "Юманите" выходила в виде нелегального издания. Впоследствии она была перепечатана. Перепечатка тиражом в 30 экземпляров у нас есть. Прислал ее ЦК Коммунистической партии Франции. Вот так обстоит дело с нашими иностранными фондами.

Теперь наши отечественные фонды. Я уже говорил о том, что мы получали обязательный экземпляр с 1920 г. по РСФСР, с 1924 г. - по СССР. Дореволюционного обязательного экземпляра мы, естественно, иметь не могли: нас не существовало.

До революции было всего 13 обязательных экземпляров, 11 из них остались в Петрограде - в таких библиотеках, как Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, БАН, б-ка Морского министерства, б-ка Главного штаба Морского министерства, б-ка Главного штаба и других учреждений. В Москве был один-единственный экземпляр - в Румянцевском музее. И кроме того, (один) 13-й экземпляр шел в Хельсинки. Благодаря чему Библиотека университета в Хельсинки, она же ныне Национальная библиотека Финляндии, обладает таким фондом русской дореволюционной книги, какого нет нигде за пределами Советского Союза.

¹⁰¹ Deutschland. Reichstag. Stenographische Berichte... 1 sess. 1867. - Berlin, 1867.

¹⁰² U.S. Bureau of the census. По различным отраслям см. предмет кт: США. Переписи. (1-я 1790 г. -)

¹⁰³ Statistic des Deutschen Reichs. - Berlin, 1873. -

¹⁰⁴ The National Union Cat. Pre - 1956 (Libr. of Congr.). Lnd., 1968 -

¹⁰⁵ Deutschland. Auswärtiges amt. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Berlin, 1922.

¹⁰⁶ France. Ministère des affaires étrangères. Documents Diplomatiques. Paris, 1861.

¹⁰⁷ Gr. Br. Foreign office. British documents on the origins of the War, 1898-1914. Lnd, 1927.

Тем не менее наш дореволюционный фонд русской книги очень силен. Я постараюсь привести некоторые доказательства. Я составляю долгие годы указатель русских дореволюционных диссертаций. Надо иметь в виду, что дореволюционные диссертации (не только докторские, но и магистерские) были по уровню значительно выше наших теперешних. Так вот, я выбрал из этой работы 207 диссертаций, защищенных примерно с середины прошлого века до самой революции по всеобщей истории, и по русской истории - 227 работ. По каталогу у нас оказалось 207, т.е. больше 90%. При отсутствии обязательного экземпляра это результат потрясающий.

Другой пример. В.Я.Брюсов в дореволюционные годы выпустил семь сборников; тираж этих сборников от 600 до 1200 экземпляров. Они все есть у нас. И наконец, можно отметить, что некоторые издания, дореволюционные, имеются у нас в удивляющем количестве экземпляров. Например, книга Бунятяна М.Н. "Экономические кризисы" 1915 г. издания - в пяти экземплярах.

Что касается периодических изданий, у нас имеется первый русский журнал в комплекте 1755-1764 гг. - "Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих". У нас имеется самый продолжительный по времени существования русский журнал - "Труды вольного экономического общества" с 1765 по 1915 г. У нас имеются все толстые журналы: "Вестник Европы", "Русское богатство", "Русская мысль", "Современный мир" и его предшественник - "Мир Божий" и т.д. У нас имеется знаменитый "Московский телеграф", который в первой трети XIX в. вроде как был предтечей позднейшей славы русской журналистики. Таким образом, в этой области дело обстоит весьма благополучно. И наконец, относительно газет. С газетами дело обстоит таким образом. У нас имеются "Московские ведомости" а с 1756 г. - года их основания - но с пробелами. В некоторых случаях весьма существенными в годовых комплектах. У нас имеется "Новое время" с 1878 до 1917 года. Удивительно, что "Русские ведомости" - московская газета - плохо представлены. Имеются у нас и конечно, газеты позднейшего времени, но только с 1904 г. Повторяю, что журналы и газеты периода 1917-1920 гг. были предметом специального собрания, и в этом отношении вряд ли кто-нибудь может с нами тягаться.

Когда я говорил о русском книжном фонде, я не упомянул одну любопытную подробность. Жаловались, что у нас не было обязательного экземпляра, но у нас было сокровище, которое не мог доставить ни один обязательный экземпляр. Дело в том, что обязательному экземпляру в дореволюционное время не подлежали издания из 34 земств Российской Империи. Они по обязательному экземпляру не поступали ни в Публичную библиотеку, ни в Румянцевский музей. Конечно, они там есть, но не с исчерпывающей полнотой. Библиотека Московской губернской земской управы устроила сама обмен методу земствами таким образом, что комплект, равносильный обязательному экземпляру, был на полках этой библиотеки. И эта библиотека попала к нам.

К сожалению, я не могу с уверенностью сказать, что все это стоит у нас на полках. Ибо при наших многочисленных перемещениях книг и газет в Узкое, когда сбрасывалось то, что казалось тогда малоактуальным, был великий соблазн именно эту категорию изданий отправить туда, что, наверное, даже нельзя и вменить в особенную вину работникам к/хр., у которых, если даже они и знали о ценности этого фонда, - выбора не было.

Остается сказать несколько слов относительно значения и места Фундаментальной библиотеки, и тем самым ИНИОНовского фонда, в мировом масштабе. Есть такая книжица Steele Colin "Major Libraries of the World" (L. - NX, 1976)¹⁰⁸. Она содержит описания, посвященные каждой из трехсот библиотек, которые туда включены. Во многих случаях приводятся фотографии зданий библиотек и сведения, относящиеся к истории библиотек и т.п. В числе этих 300 библиотек имеется и ИНИОН. И здание, в котором мы сейчас находимся, там фигурирует. Я думаю, что после всего того, что я рассказал, и по всем Вашим неоднократным впечатлениям за время вашей работы в ИНИОН вы, наверное, удостоверились в том, что честь эта не напрасная, что действительно это Библиотека мирового класса была, есть и будет.

¹⁰⁸ Steele C. Major libraries of the world. A selective guide. - L. - NY., '1976.